УДК 94(430).06

С. А. Исаев

Взгляд из лагеря Наполеона во время Русского похода 1812 г.

Рецензия: *Сегюр Ф. де.* **Наполеон и Великая Армия во время войны 1812 года / Пер. с франц. Д. Соловьёва; под ред. С. Искюля. СПб.: Петрополис, 2014. 488 с.**

Российский читатель получил наконец полностью, без купюр переведенный текст одной из самых ранних работ по истории Отечественной войны 1812 г. Это отнюдь не рядовое событие в истории российского книгоиздания! Как авторитетно свидетельствует в своем предисловии к этой публикации государственный герольдмейстер Г. В. Вилинбахов, «в мемуаристике 1812 г. еще не было случая, чтобы воспоминания современника и французского участника войны переводились по-русски целиком, без текстуальных изъятий» (с. III).

Граф Филипп-Поль де Сегюр (Ségur, Philippe-Paul, comte de, 1780–1873) впервые опубликовал эту книгу в Париже в начале декабря 1824 г. Сегюр принадлежал к известному во Франции аристократическому роду. Он вырос в семье, которая не эмигрировала и смогла пережить все невзгоды и опасности Великой революции. Через три месяца после переворота 18 брюмера, в феврале 1800 г., Сегюр поступил на военную службу и в ходе непрерывных войн быстро и достойно сделал карьеру. Участвуя в боевых действиях, Сегюр в декабре 1806 г. был ранен двумя ударами казацкой пики, попал в русский плен и в 1807 г. впервые, поневоле — в качестве пленного — побывал в Москве. В конце 1809 г. Сегюр был пожалован в графы Империи, некоторое время

состоял на дипломатической службе, посетил Вену и Санкт-Петербург. Затем вернулся в армию: 22 февраля 1812 г. ему был присвоен чин бригадного генерала. В должности квартирмейстера при Главной квартире императора Наполеона Филипп Сегюр участвовал в русском походе. Поскольку взятие французов на измор было стратегией Кутузова, Сегюр в силу исполняемой должности был в деталях осведомлен о том, какие беды она причиняла воинству Наполеона. После отступления из России, в 1813–1814 гг., он храбро воевал, был еще дважды ранен: штыком и пулей. Сегюр ухитрился, продолжив военную службу при Первой Реставрации и перейдя на сторону Наполеона в период Ста Дней, вернуться на службу при Второй Реставрации и всё еще служить на протяжении всего правления Луи-Филиппа, так что окончательно уволен в отставку он был только Временным правительством II Республики — 12 апреля 1848 г.

Историография любого значительного исторического события обычно плавно вырастает из публицистики, современной этому событию, и из мемуаров, появившихся, пока память участников и очевидцев о происшедшем еще была свежа. В XX в. такой органичный процесс имел место далеко не всегда и не всюду: в СССР и КНР правящие режимы весьма пристально контролировали, подвергали цензуре и пытались направлять усилия мемуаристов. Но XIX в. был еще весьма благополучен в этом отношении. В книге Сегюра личные впечатления о войне в России 1812 г. сложно сочетаются с разнообразными сведениями иного происхождения. У него была возможность выверить хронологию событий по газетам и по опубликованным документам, уточнить детали у участников, и видно, что возможностями такими Сегюр широко пользовался. Богатый и разнообразный жизненный опыт, какой был у него за душой к началу кампании 1812 г., позволил Сегюру накопить за пять месяцев сражений в России весомый запас впечатлений и наблюдений, а несомненный литературный талант — изложить их так, что его с большим интересом читал Л. Н. Толстой, а теперь с интересом — может быть, с неменьшим — читаем мы.

Важное достоинство издания — сопровождающий текст Сегюра развернутый комментарий доктора исторических наук Сергея Николаевича Искюля. Этот видный историк занимается изучением наполеоновской эпохи в Европе с конца 1970-х гг. и привлекает для комментария не только многочисленные французские документальные публикации и монографии, но и неопубликованные материалы Национального архива Франции[1].

Комментарий С. Н. Искюля помогает читателю сориентироваться в деталях исторической обстановки и даже позволяет ему самому сопоставить наблюдения и суждения Сегюра с наблюдениями и суждениями его оппонента, также

[1] В комментариях, касающихся деталей «народной войны» в пределах Калужской губернии, а также в справках географического характера можно было бы также использовать новые публикации калужского историка Виталия Анатольевича Бессонова: *Бессонов В. А.* Партизанская, народная или «малая» война в 1812 году: представления современников и оценки историков // Российская история. 2012. № 6. С. 81–92.

приближенного к Наполеону лица: Гаспара де Гурго (Gourgaud, Gaspard de, 1783–1852). Гурго провел русский поход на гораздо более опасных участках, чем Сегюр, которого он, судя по всему, от души презирал. Гурго расценил книгу Сегюра как унижение памяти Наполеона и оскорбление деяний Великой Армии. 15 июля 1825 г. между двумя соратниками Наполеона даже состоялась дуэль. Ни точное ее место, ни оружие, примененное соперниками, неизвестны, известно только, что каждый соперник нанес другому ранение и что дуэль эта была прервана появлением полиции.

Сочинение Сегюра начинается сравнительно краткой предысторией Русского похода (гл. 1–3). Описание собственно войны 1812 г. открывает 4-я глава. Завершается оно 11-й главой, где повествование доведено до отъезда Наполеона из армии в Париж. В заключительной, 12-й главе речь идет об отступлении остатков Великой Армии из Литвы в Польшу. Там же автор делится с читателем историософскими размышлениями.

В «предысторических» главах Сегюр пытается проанализировать причины, побудившие Наполеона начать вторжение в Россию. Сегюр считал русский поход частью борьбы Наполеона с Великобританией. Заставив Россию в 1807 г. в Тильзите присоединиться к континентальной блокаде (с. 31), Наполеон не мог добиться лояльного и эффективного отказа России от торговли с Великобританией. Впрочем, в Заключении Сегюр называет целью похода «отторжение Польши от России» (с. 329). Похоже, он считал своим долгом «сориентировать» читателя в этом вопросе, но сам не очень-то интересовался им и не особенно заботился о приведении своих высказываний к единому знаменателю. Сейчас, когда историки располагают внушительными массивами опубликованных дипломатических документов по периоду 1807–1812 гг., к рассуждениям и предположениям Сегюра может быть много претензий. Но едва ли есть смысл формулировать их здесь или в ином месте. Гораздо полезнее принять текст Сегюра как свидетельство о том, что именно было известно об этом информированным участникам тех событий во Франции в 1820-х гг.

Вторжение, начавшееся на Немане в июне 1812 г., Сегюр описывает эпично и сдержанно, как бы не решаясь отвлечься от того, что произошло после оставления французами Москвы и считая своим долгом указать, что можно было бы сделать, пока французы находились в Витебске и еще не вступили в бой за Смоленск, чтобы отступление не оказалось столь катастрофичным. Лаконично, но впечатляюще он характеризует важнейшую черту войны 1812 г.: «Император видел, как с уходящим народом от него ускользает одно из сильнейших средств завоевания» (с. 136).

Ни книга Сегюра, ни комментарий не содержат решающих аргументов в вековечном споре о том, чьей победой и чьим поражением была Бородинская битва. Очевидно, ответ на этот вопрос зависит от того, какие цели предполагать у каждой из сторон. Конечно, русские воины хотели отстоять Москву, но вполне вероятно, что Кутузов изначально преследовал более

прозаическую цель: нанести захватчикам как можно больший урон вдали от Франции.

С. Н. Искюль в своих комментариях сообщает то, что было лишь отчасти известно Сегюру, но что важно знать читателю для понимания происходящего. А именно: Наполеон ни при каких обстоятельствах не намеревался отменять в России крепостное право и становиться «королем Жакерии». Однако российская дворянская элита упорно его в этом подозревала и испытывала тревогу, переходящую, по словам С. Н. Искюля, в панику. «Эта паника продержалась до конца и продиктовала дворянству два важных решения, роковых для французов: оставление Москвы и нежелание заключить мир» (с. 408). Пожар Москвы в книге Сегюра показан как результат действий поджигателей, получивших приказ от графа Ростопчина, и комментатор подкрепляет этот взгляд авторитетными свидетельствами (с. 430).

Сегюр и Гурго наиболее ожесточенно спорили о том, как вели себя французские солдаты в России: всех беззастенчиво грабили или же вели себя учтиво. Книга Сегюра содержит немало свидетельств грабежей. Комментатор осторожно замечает: «Следует, по-видимому, согласиться скорее не с Сегюром, а с его оппонентом... Находясь в Москве, французские военные вели себя большей частью благородно и участливо по отношению к мирным жителям, которым нередко помогали, делились необходимо нужным в жизненных потребностях и спасали от пожара... Французы не только делали русским раненым операции, спасая их от верной смерти, но и ухаживали за ними там, где они лежали вместе с французскими солдатами» (с. 435). Думаю, что в этом случае у комментатора есть все резоны избегать категоричности. Ни Сегюр, ни Гурго не видели полной картины происходившего по всему театру военных действий. Естественно, у каждого были свои наблюдения, и для составления суммарной характеристики нужно собрать сведения на этот счет из всех сохранившихся свидетельств. Это, насколько мне известно, до сих пор не проделано. И теперь уже вряд ли будет проделано, потому что много с тех пор произошло других, более грандиозных событий, в которые поневоле были втянуты многие тысячи людей. И даже когда речь идет о характеристике условий жизни в ГУЛАГе, бывшие узники иной раз ожесточенно спорят об этом между собой (В. Т. Шаламов — с А. И. Солженицыным, и др.)

Сегюр испытывает сильнейшее раздражение, наблюдая у русских сочетание фанатической ненависти к завоевателям в народе — и расчета, холодного до точки замерзания, у руководства. «Кутузов похвалялся своими короткими переходами, отдыхом для солдат каждые три дня и всегда останавливался, как только кончались запасы хлеба и водки. Он ставил себе в заслугу, что после Вязьмы сопровождал французскую армию, как пленницу, и сразу же наказывал ее, если она останавливалась или пыталась сойти с большой дороги. И Наполеон помогал ему в этом. Зачем покупать у фортуны то, что она и так отдает даром? Ведь конец Бонапарта уже неотвратим. Сей метеор погаснет в болотах Березины,

окруженный тремя русскими армиями. А его роль как командующего заключается в том, чтобы препроводить туда Наполеона умирающим и безоружным» (с. 260). У Сегюра, сохранившего старомодное, рыцарское отношение к войне, такое поведение вызывало примерно такую же оторопь, как у русских — когда англичанин привязывал русского крестьянина ниткой в качестве наказания (рассказ Н. С. Лескова «Язвительный»), или харакири, которое, бывало, делали себе японцы в 1904–1905 гг., чтобы не сдаваться в плен. С такой страной и с таким народом всякая война будет «не той» войной! На войне люди следуют иным законам, недели во время мира, но обычно они есть и обоим противникам известны. Однако в отношениях с таким странным противником не действуют даже они. И Сегюр отводит душу: «Было бы достаточно одного русского корпуса, дабы покончить с Неем, но все боялись решительных действий, оставаясь в рабском своем состоянии и не имея других побуждений, кроме привычки повиноваться. Дисциплина, прославившая русских при отступлении, опозорила их, когда надо было преследовать неприятеля» (с. 271). Так смело и определенно Сегюр решает за противника, как он должен был воевать — с Наполеоном и с ним, Сегюром.

В заключительных размышлениях Сегюр излагает свою философию истории. Она незамысловата. В основе ее лежат идеи Монтескьё. «Звезда Севера затмила звезду Наполеона. Означает ли сие, что Юг обречен на победу Севера, и ужасающий исход нашего вторжения есть явное тому доказательство?» (с. 328) — «Нет никакого сомнения, что род человеческий не идет по сему пути. Напротив, он стремится на Юг, оборачиваясь спиной к Северу» (с. 328). Глубинный смысл русского похода Сегюр по прошествии 12 лет видит в «устройстве нового оплота противу возможного вторжения» (с. 329),— должно быть, именно такой оплот впоследствии назвали «санитарный кордон». Сегюр уверен, что Наполеон был личностью достаточно крупной, чтобы реализовать эту большую и полезную, хотя и не великую задачу. Но, увы, Наполеон понимал свою задачу не так, и в результате русские вошли во Францию. И даже в семью самого Сегюра: старший сын — граф Анри Раймон де Сегюр — в 1819 г. женился на дочери графа Федора Васильевича Ростопчина — Софье Федоровне.

В книге Сегюра практически отсутствуют соображения из области стратегии, которые так любят военные историки. И новые работы В. М. Безотосного, и даже старые труды Л. Г. Бескровного дадут заинтересованному читателю гораздо больше по этой части, чем Сегюр. Зато сочинение Сегюра изобилует деталями, какие редко попадают в монографии историков. Вот он рассказывает о французском солдате, которому в ходе Бородинского сражения ядро перебило обе ноги. «Его не заметили среди наваленных трупов. Сначала он угнездился в развороченном животе лошади, потом скатился на дно оврага и пятнадцать дней поддерживал свое угасающее существование грязной водой и плотью мертвых тел. По словам людей, нашедших сего несчастного, все-таки его удалось спасти» (с. 229). Сегюр упоминает о том, что для перевязки раненых в Смолен-

ском сражении французские медики использовали необычный материал, однако комментатор сказал об этом лучше: «В Смоленске — к счастью для раненых, но к несчастью для историков — значительная часть архивов не была вывезена, поэтому бумага и пергаментные листы нередко использовались хирургами Великой Армии на различные нужды, в том числе и при перевязке ран» (с. 408). Или еще: «Во время марша Мортье произошел весьма примечательный случай, когда ядро попало в лошадь и разорвало ее на куски, совершенно не повредив всадника, который продолжал путь, но уже в пешем строю» (с. 263). А вот Сегюр описывает резкий спор между Даву и Мюратом: «Император слушал их, играя с русским ядром, которое он подталкивал носком сапога. Похоже, в сих раздорах его соратников было нечто, его отнюдь не смущавшее. Их неприязнь он относил на счет рвения, понимая, что из всех страстей самая сильная — это жажда славы, и ему нравился нетерпеливый пыл Мюрата» (с. 147).

Перевод выполнен на высоком уровне, как обычно и бывает, когда переводчик владеет не только языком, но и предметом. Однако переводчик Д. В. Соловьёв попытался осуществить еще и стилизацию текста русского перевода под первую половину XIX в. В основном стилизация эта достигается употреблением «поелику» вместо «поскольку» — пожалуй, раздражающе частым. Или еще так: «Особливую стойкость при обороне взятого редута выказал испанский полк» (с. 154). О принце Эжене (Евгении Богарне) и его людях под Красным, 15 ноября, сказано: «Нечувствительно (т.е. сами того не заметив. — *С.И.*) они отдалились от своего отряда» (с. 256). О положении в Вильно в декабре: «Никто из начальников не решился раздавать сии припасы всем приходившим. Администраторы боялись ответственности и эксцессов при распределении» (с. 309). Здесь соседство слов «сии» и «эксцессов» создает диссонанс: последнее слово уверенно вошло в русский язык только в начале XX в. Думаю, что в такой стилизации необходимости не было, хотя и серьезных проблем для понимания она не создает. Переводчик, кроме того, оставил во французской графике те нефранцузские топонимы (в числе последних — названия, по-видимому, исчезнувших русских деревень) и собственные имена, для которых нет общепринятой русской передачи: например Pchebendowski — полковник К. Пшебендовский (с. 275). Это решение можно считать весьма разумным.

Когда в комментариях фигурирует топонимика Остзейских провинций, Литвы и Восточной Пруссии, где практически любому объекту присвоены названия на нескольких языках, комментатор обычно дает только немецкое название, без «привязки» к тому, которое можно найти на картах, издаваемых в наше время. Тильзит, Тельши, Шавли, Эккава, без указания, что это Советск, Тельшяй, Шяуляй, Иецава (с. 464–465). Лет двадцать назад это, может быть, и следовало бы считать недостатком, однако сейчас любой читатель сможет найти соответствующие сведения в Интернете.

Сегюр замечает, что Наполеон иногда вел себя гораздо более апатично, чем, казалось бы, требовала ситуация: самый известный такой случай — Бородинское

сражение. Сегюр объяснял это приступами болезни, которую однажды в примечании называет: дизурия. Комментатор возражает: «Наполеон дизурией не страдал» (с. 160). Читатель может подумать, будто Сегюр вообще ошибался, предполагая у Наполеона это или похожее заболевание. Однако знаменитый российский генетик, специально и пристально изучавший болезни Наполеона и других великих людей, пишет: «Достоверно, что у него были постоянные затруднения с мочеиспусканием. Достоверно, что при вскрытии у него в мочевом пузыре были найдены камни и песок... Хотя в некоторых источниках прямо утверждалось, что он страдал “мочекислым диатезом”, нам не удалось найти этому подтверждения»[2]. То есть все-таки страдал болезнью, связанной с нарушением мочеиспускания. Неудивительно, что Сегюр диагностировал ее неверно, коль скоро ее до сих пор не могут точно определить даже профессионалы по медицинской части.

Книга призвана открыть новую мемуарную серию «Французы в России». Можно поздравить всех, кто имел отношение к изданию воспоминаний Ф. де Сегюра, с удачным дебютом. Будем надеяться, что за ним последует достойное продолжение.

References

Bessonov V. A. Partizanskaâ, narodnaâ ili «malaâ» vojna v 1812 godu: predstavleniâ sovremennikov i ocenki istorikov // Rossijskaâ istoriâ. 2012. № 6. S. 81–92.

Èfroimson V. P. Genial'nost' i genetika. M., 1998.

Список литературы

Бессонов В. А. Партизанская, народная или «малая» война в 1812 году: представления современников и оценки историков // Российская история. 2012. № 6. С. 81–92.

Эфроимсон В. П. Гениальность и генетика. М., 1998.

[2] *Эфроимсон В. П.* Гениальность и генетика. М., 1998. С. 53–54.